

Цзян Чэн едва заметно вздрогнул, когда услышал этот голос, и зубы его стиснулись.

Он узнал его.

Даже если он не слишком разбирался в опере, даже если этот голос сильно отличался от того, что он слышал раньше, он чётко и ясно понял, что это был Гу Шэн. Его человек, стоящий на небольшой сцене, был в центре внимания, как восходящая луна, сияя ярким светом.

Если первое впечатление от Гу Шэна можно было назвать ошеломляющим, то сейчас он не мог подобрать слова, чтобы описать то, что чувствовал.

Это было... потрясение.

Он думал, что знает его достаточно, даже полностью владеет им, но на самом деле это была лишь вершина айсберга. То, что он видел, было лишь поверхностным, лишь малой частью того, что скрывалось внутри.

Никто не знал, что скрывалось под этой поверхностью, какие сокровища таились в глубине его души.

Гу Шэн мог быть... почти вызывающе ярким.

В этот момент было трудно понять, ожила ли в нём душа столетней давности или он сам ожил, вдохновлённый духами оперы.

— Позовите его сюда... Немедленно! — сказал Цзян Чэн, его голос дрожал, и было непонятно, от слабости ли это было или от гнева, что Гу Шэн снова ослушался его.

Солдат, услышав этот смешанный с жестокостью тон, поспешно ответил «Есть!» и бросился вниз.

Когда солдат, преодолевая толпу, наконец добрался до гримёрной, там уже был старый любитель оперы Сун Чжао.

Сун Чжао только что вытер слёзы с лица и говорил с искренностью, которая могла тронуть сердце:

— Раньше я действительно не понимал оперу, и только сегодня осознал, насколько мастерство господина Гу превосходит обычных артистов. Я был слеп. Господин Гу, не могли бы вы уделить мне время в ближайшие дни? Я хотел бы пригласить вас, чтобы восполнить то, что я упустил за эти годы...

Гу Шэн, слушая это, с невозмутимым выражением лица, но его взгляд был направлен на вошедшего солдата:

— Внизу ещё две сцены. Поговорим после выступления.

— Нет, — солдат шагнул вперёд, к удивлению Сун Чжао. — Господин Цзян просит вас подняться наверх.

Оставшаяся часть оперы, без Гу Шэна, осталась незавершённой, и театр был вынужден срочно заменить его артистами из Школы оперы Хуася. Эмоции зрителей, достигнув пика, резко упали, и в театре воцарилась атмосфера разочарования, недоумения и шока.

Цзян Чэн, не замечая этого, хмурился, стоя перед молодым человеком, который уже переоделся в обычную одежду:

— Ты это специально, да? Я же сказал, чтобы ты не высовывался на люди. Один день без меня, и ты уже заскучал, да?

Он говорил это в состоянии внутреннего конфликта. С одной стороны, он был горд и рад, что Гу Шэн получил такое признание. Эти аплодисменты, которые казались такими дешёвыми, вызывали в нём чувство радости, которое он редко испытывал. С другой стороны, он чувствовал невыразимую боль, словно его соковище, которое он так бережно скрывал, теперь было выставлено на всеобщее обозрение, и он был лишь одним из тысяч, кто аплодировал.

«Коралл в руке не удержать, но его можно превратить в цветок на солнце».

Цзян Чэн никогда не испытывал настоящего разочарования. Когда Ду Хань в школе с чувством читал это стихотворение, Цзян Чэн, сидя, скрестив ноги, ругался: «Чушь! Что я не могу получить? Писатели — это просто бедняки и снобы!»

И вот сейчас, или, возможно, уже много раз в прошлом, он глубоко ощутил это чувство.

Гу Шэн не принадлежал ему. На сцене он не принадлежал ему, дома он не принадлежал ему, и даже когда он лежал под ним, он не принадлежал ему.

Это смутное понимание вызывало в нём подсознательный страх, и он старался игнорировать его, сжимая Гу Шэна всё крепче и крепче. Если бы здесь не было так много людей, он, возможно, уже прижал бы его к столу и взял бы его силой.

— Эй, этот господин знаком с молодым Цзяном? — Ида поднял бровь, глядя на Цзян Чэна.

Его неплохой китайский резко прервал мысли Цзян Чэна, и он вздрогнул, резко повернувшись к Иде и Сун Чжао, который с напряжением смотрел на него.

Гу Шэн, увидев, как он встаёт, отступил на шаг, крепко схватив руку Цзян Чэна.

Его грудь тяжело вздымалась, словно от боли, но также, казалось, он сдерживал какой-то глубокий страх. В его глазах читалась паника и растерянность, что даже Сун Чжао почувствовал боль в сердце.

Цзян Чэн взял отдельный кабинет в Башне Ичунь рядом с театром и втолкнул туда Гу Шэна.

Когда Цзян Чэн, держа пистолет, ворвался в кабинет, девушки в Башне Ичунь подумали, что это снова иностранные солдаты, и с криками спрятались. Несколько молодых людей, которые собирались курить опиум в кабинете, побледнели и в панике выбежали.

Цзян Чэн бросил Гу Шэна на кровать, схватив его за руку, и попытался перевернуть его, одновременно срывая с него брюки!

От боли или по другой причине, две слезы мгновенно покатались по лицу Гу Шэна. Он отчаянно сопротивлялся, резко повернувшись и ударив Цзян Чэна коленом в живот!

Хотя сила Гу Шэна была несравнима с силой Цзян Чэна, удар коленом в живот был не шуткой, особенно учитывая, что Гу Шэн использовал всю свою силу. Цзян Чэн на мгновение потерял сознание от боли и, не думая, схватил Гу Шэна за затылок и ударил его головой о спинку

кровати!

Гу Шэн, падая, успел повернуть голову, и его череп с силой ударился о спинку кровати. Он крикнул от боли и затих. Его молчание удовлетворило Цзян Чэна, который, не теряя времени, сорвал с него одежду и вошёл в него.

— Сколько раз я тебе говорил не высовываться на люди... Ну и ладно... Ну и ладно! — Цзян Чэн ругался, сжимая тонкое тело молодого человека. — Тебе нравится, когда тебя используют, да? Мерзавец...

Примитивный и безумный инстинкт овладел Цзян Чэном, и, когда он закончил, он вдруг понял, что Гу Шэн не подаёт признаков жизни.

Цзян Чэн резко очнулся, дрожащей рукой проверяя его дыхание. Его пальцы коснулись носа Гу Шэна, и он чуть не упал.

Он не дышал.

Ду Хань, сонный, получил звонок от Цзян Чэна, и, не успев вытереть слюну, вскочил с кровати в комнате отдыха дежурного. Он побежал по коридору, ломая двери кабинетов, и собрал всех врачей и медсестёр, которые были на месте. Они мчались в концессию с оборудованием.

Он его убил!

Чёрт!

Ду Хань, задаваясь вопросом, сколько лет он учился медицине, сколько случаев он видел, слышал ли он о легендарном «смерти от переутомления», но это всегда была смерть от усталости, а не от того, что кто-то кого-то «заработал». Обычно умирает бык, а не поле!

Ду Хань хотел ударить Цзян Чэна ремнём. Он был как личный врач, доступный 24 часа в сутки, но он не был волшебником, который мог бы воскрешать мёртвых! Если ты способен кого-то убить, так иди и занимайся трупом!

Гу Шэн, такой хороший человек, какого чёрта он попал в такую ситуацию!

Ду Хань думал, что, скорее всего, это был острый шок, и если они не смогут его спасти, он заставит Цзян Чэна заплатить за это. Прибыв на место, он увидел ужасную картину: Цзян Чэн стоял на коленях, держа тело молодого человека, в воздухе витал тяжёлый запах, и всё было погружено в зловещую тишину.

<http://bllate.org/book/16144/1445737>